

Из посеревшего от времени амбара доносилось мычание. Рыжая корова Зорька просила ее подоить, избавить от тяжести.

Проскрипела дверь сеновала и оттуда показалась рыжая голова. Нет, не коровы. Это девочка. На ней короткие джинсы, мужская рубашка, никакой обуви. Короткая стрижка и длинный нос, который как-то нелепо торчал из-под редкой челки. На вид лет двенадцать.

Зинка часто спала на сеновале, и когда она была там, воображала себя королевой поля желтых цветов, которое растянулось за их огородом. Каждую ночь Зина тихонько выходила из своей комнаты и сидела на заборе, смотрела на желто-серые под лунным светом лепестки цветов. А потом засыпала на сеновале, потому что спать в доме было невыносимо.

Утром девочке обязательно надо было вернуться до того, как ее отец Пётр, сухой мужчина, похожий на чупа-чупс, с широкими плечами и длинными узкими ногами, заковыляет по деревянному

полу, до того, как начнет громко кряхтеть, ругнется, и до того, как прольет воду из ушата на пол. Потом он наверняка наступит сухими носками в лужу (нет ничего хуже мокрых носков!), матюгнется, скрипнет зеленой дверью и гаркнет:

— Зинка, поднимайся! Иди Зорьку подои!

Но сегодняшним утром отец встал раньше и увидел свою дочь на крыше сарая.

— Ты чего встала?

— Да так.

— Ладно, иди...э, это самое...как его...

— Я знаю. Подоила уже. Сейчас принесу ведро.

Зинка убежала за молоком, которое оставила в стайке, а отец, разминая затекшие красные после вчерашней драки здоровенные пакши, почесывая спину, зашел в амбар.

Пётр поднял крышку бочки, где хранилось пшено для куриц. Окунув в холодные зерна руку, начал уверенно шарить в глубине по всему периметру. Петра ожидал небольшой «сюрприз» — дочь нашла бутылку браги в его тайнике. И теперь ее содержимое текло по течению местной речки в воды мирового океана. Девчонка опять всё вылила.

— Зинка, где бутылка? — отец издал вопль, полный ненависти и одновременно скорби.

— Какая бутылка, батя?

Зина вошла в сарай. Отец слишком быстро обнаружил пропажу. Зинка рассчитывала, что получит эти оплеухи вечером. Отец с матерью выпивали вчера. Буря должна была начаться позже. Но расчеты оказались неверны.

— Знаешь какая, — зыкнул Пётр.

— Мамка, может, взяла.

— Мать не заходит сюда. Говори, куда задевала! Или опять вылила? А?

— Не знаю я, батя. Ты пей меньше, может, помнишь будешь, куда что кладешь, — быстро проговорила Зинка и опустила голову. Потом подняла и с вызовом посмотрела в его глаза, внезапно увеличившиеся в размерах. У Зинки глаза были такие же. Большие и ярко-голубые, очень холодные. И взгляд быстрый и острый, словно пуля. Это уже от бабушки.

У отца покраснели щеки. Он стал похож на подвыпившего деда мороза из дома культуры.

Медленно подошел к дочке, наклонился и взял ее за волосы.

— У тебя еще молоко на губах не обсохло так с отцом разговаривать.

Пальцы крепче сжали плечо.

— Пусти, мне больно!

— Больно тебе?

— Отпусти, я сказала!

Слезы.

Отец ударил Зинку по щеке, она лежала в разлитом молоке лицом вниз и, всхлипывая, втягивала носом и ртом жидкую молочную-земляную грязь.

Солнце сделалось ярче и жарче. Земля нагревалась, как будто вот-вот начнет шкворчать, как картошка на сковородке. Зинке напекло затылок. Отец ушел в дом будить мать. Молока с похмелья для них обоих не будет. Зина встала, на секунду в глазах потемнело.

Немного погодя она оправилась и мигом шмыгнула в сени. Встала возле двери и заглянула в щель приоткрытой зеленой с облупившейся краской двери.

Мать сидела на кухне и искала таблетки в аптечке. Она когда-то была «картинной» женщиной. Один художник написал ее портрет на берегу моря, когда она в юности отдыхала в Ялте. Увидел ее и сказал, что у нее удивительное лицо. Картинное. Каждый раз, когда мать выпьет, про это рассказывает, вот уже десять лет. Теперь ее внешность превратилась в картину, не поддающуюся реставрации. Длинные, рыжие и жирные, как мед, волосы. Выплаканные глаза утратили свой оттенок. Желтая шея, кожа сухая, веснушки на плечах и лице, движения потеряли прыть. Она словно потерянная вещь. Непонятно для чего созданная, а теперь лежащая и гниющая в забвении, подвластная лишь времени, которое ее ежеминутно уничтожало.

Тася, так звали мать, вставала поздно, очищала организм от вечернего самогона, согнувшись над унитазом, мылась водой из бочки возле бани, кормила Зину яйцами или вчерашней

кашей, уходила на веранду. Изо дня в день она перебирала коробки со старыми вещами, которые пересылал сюда ее брат из города.

Мать достала банку с манкой, открыла и начала засыпать в кастрюлю. Зина вошла, встала у Таси за спиной. От матери пахло теплом и рвотой.

— Мам...

— Чего?

— Я не хочу отмечать. День рождения. Не хочу.

— Можешь не отмечать. Сиди в комнате. Мы и без тебя отметим.

Девочка дернулась, развернулась и, споткнувшись о табуретку, вылетела из кухни. С грохотом закрыла за собой дверь. Завтра Зине исполнится тринадцать лет.

Девочка вошла в свою комнатушку с зелеными обоями в желтый цветочек. На подоконнике стояла трехлитровая банка с чайным грибом. Рядом с окном стенка с книгами. Оленьи рога с гравировкой «Первый трофей Петра Елунина. 1987 год». Зина легла на кровать и накрылась одеялом с головой.

Вот уже вечер. Красные шторы светились от закатного солнца. Зина заснула. Накрыла подушкой голову на всякий случай. Вдруг родители будут орать. В комнату ворвалась мать. Увидев, что дочь спит, она вышла. Спустя несколько минут дверь снова открылась. Медленно вошел отец. На голове кепка с принтом местного продуктового магазина. Конечно поддатый. У него в руках кружка с чаем. Пётр поднял подушку с головы дочери. Он долго смотрел на Зину и вдруг вылил ей на голову горячий чай, как будто полил зачахнувший цветок. Без особой надежды на выживание. Зинка вскрикнула и вскочила.

— Где утюг? — закричал Пётр.

— Что?

— Где утюг? Мать найти не может. Всё дрыхнешь! Хоть бы совок в руки взяла! То носишься целыми днями, а то спишь! Никакой помощи! Где утюг? Ты вчера гладила свои шмотки!

— Какой утюг? Я им не пользовалась!

— Ты в этом доме ничем не пользуешься, кроме моего великодушия!

Отец вышел за дверь. Зинка одеялом вытерла себе голову. И заплакала тихо, чтобы отец не услышал.

Спустя полчаса оранжевый июльский закат болезненно заалел. Горизонт залился черно-синей небесной патокой. Казалось, будто бы к вечеру закрапает дождь. Где-то вдали бежали лошади.

Коровы возвращались с пастбища, когда Зинка, окончательно успокоившись, сидела на заборе и думала: что подарить маме. В день рождения Зины поздравляли и ее мать за то, что та когда-то вознаградила Петра за полгода совместной жизни рождением дочери.

Пастух погонял коров кнутом и ревел матом так, что сонные старухи на лавках вздрагивали. Зинка ждала, пока Зорька подойдет к калитке. Мимо шли две бабы в черных платках. В руках у них березовые веточки, чтобы отмахиваться от комаров.

— Зинка, скажи отцу, что Елисеич помер!

— Когда помер?

— Да вот сейчас мимо его дома проходили. Баба Аня пошла к нему за топором и нашла Елисеича во дворе, уже окоченел плешивый.

— Скажу.

Зина задумалась о той скорости, с которой старухи успели переодеться в траурный наряд.

Зорька подошла к калитке. Зина открыла,пустила корову, загнала в стойло.

На деревьях уже появились первые желтые листья среди зелени, хотя только середина лета. Зина увидела на тропинке, ведущей в дом, выпавшего из скворечника птенчика. Она подняла его и спрятала в коробку из-под обуви, валявшуюся у крыльца уже полгода.

В этот момент отец вылетел из сеней и бросил кастрюлю супа на землю. Красный бульон борща впитался в землю, оставив на поверхности травы розовую гущу из картошки и капусты.

— Не буду я жрать это, скотина! На мои деньги живешь, гадина, так хоть мясо стоящее покупай!

Пётр увидел испуганную Зинку, застывшую посреди двора.

— Иди корову дои! Стоит, как столб! — закричал он.

— Бать, не кричи...

— Иди, я сказал! Дня рождения тебе никакого не будет! — он схватил кнут и ударил Зину по ногам.

Она упала на землю. Отец бросил кнут и, открыв ворота резким движением, едва не оторвав ручку, вышел за ограду. Зинка заплакала и побежала за ним.

— Папа, папа, папочка!

Она прыгнула ему на спину.

Он сбросил ее.

Зина упала на колени.

— Папа! Дядя Коля Елисеич помер! — закричала она.

Пётр обернулся и широкими шагами направился к дочери.

— Чего?

— Дядя Коля умер!

— Кто сказал?

— Тетя Лида и Хвостатая проходили, сказали. Баба Аня им сказала.

— Допился черт волосатый...

Он поднял дочь на ноги и повел домой.

— Иди умойся и дои корову, — сказал Пётр, смягчившись. — Не реви, он твой крёстный, расстроится там, на облаках, что ты зря слезы тратишь по его душу, поняла? Всё, иди.

Пётр вошел в сени. Зина подобрала брошенную кастрюлю и, обняв ее, хлюпала носом посреди двора.

Сумерки обняли деревню. Опять поднялся ветер.

Девочка вошла в темную стайку. Кругом паутина, жухлое сено глухо шуршало под ногами. Кошачьи глаза светились на бочке с зерном.

— Кс-кс-кс.

Убежала.

Зина включила свет. Большая лампочка осветила лупоглазую корову, два стойла, сонных куриц и драного смешного петуха с одним глазом. Корова замычала. Девочка взяла шаткий стул из соседнего стойла и дряхлое ведро. Села и начала доить. Из вялого розового соска вытекла коричнево-красная кровь. Зина от испуга вскочила на ноги, случайно ногой задела ведро, оно упало, напугав Зорьку. Корова отбежала в сторону. Зина выбежала из стайки.

Девочка подошла к дому. Она вытерла коровью кровь о джинсы и вошла в сени. На кухне не слышно брани, но Зина остановилась у двери и прислушалась, на всякий случай.

Родители были там. На столе стояла бутылка самогона. Видимо, мать узнала о смерти брата отца, дяди Коли.

— Сегодня уже не пойдем. Бабка Аня там распорядилась насчет похорон. Нас и не допустят до тела. Мы же прокаженные в этой деревне. Пьяницы. Завтра, значит, пойдем, поможем похоронить по-человечески. Все-таки брат и собутыльник твой, дубина, — сказала мать.

— Таська, хватит, — пробубнил Пётр.

Отец уже выпил.

— Так я хотел, чтобы Колька на Зинкины именины пришел...

— Больно нужен он мне. Распаивать его тут. Царствие небесное! — набожно перекрестилась Тася. Ее лицо с высокими скулами разбухло и покраснело от выпитого.

— Заткнись, стерва! Только он девчонку любил без памяти! А ты... существо! Дочери слов ласковых сказать не можешь. Да и чего уж говорить-то. Вообще никаких слов, считай, не говоришь. Баба без доброго сердца — это бесполезная трата человеческого мяса в каннибальских племенах. Да уж и чего говорить-то. Ты мне скажи! Ты мне вот что скажи... Когда ты даешь по коням к своему городскому? — с угрозой процедил он.

— К Андрею я перееду после дня рождения Зинки. А сама Зинка останется у брата в городе. Я ее к Андрею не возьму.

Зинка стояла за дверью и слушала, вся в зеленом свете люстры, которая над ее головой казалась нимбом.

— Ну уж нет. Дома Зинка останется, со мной, — Пётр попытался встать со стула, но не смог.

— Чтобы она всю жизнь, как я, за тобой ходила? Ухаживала за бытовым инвалидом? Нет уж.

Тася налила в кофейный стакан самогона и выпила.

— Так с собой заberi. Забирай! Ты девчонке сердце бьешь! — заорал Пётр.

— Андрею она не нужна. А мне... я новую жизнь хочу начать. Я всё до сих пор жалею, что у матери ее не оставила тогда, когда родила, она предлагала. Теперь уж поздно. Может, я бы давно уже

в люди вышла, а не на кухне с тобой пила каждый день. Эта девчонка и ты мне всю жизнь дерьмом облили.

Зина все еще стояла у двери. Она вошла к себе в комнату с нелепым выражением на лице. Взяла ручку и кое-как нацарапала на листе бумаги: «У коровы кровь идет из вымени. Я уйду из дома». Зина подсунула бумажку под дверь кухни и выбежала на улицу. Уже наступила прохладная ночь. Кажется, дождя все-таки не будет.

Зина вошла в дом Елисеича. Пахло цветами и сыростью. Затхлостью. Перед Зиной на деревянном столе белое распухшее тело ее крестного. Она видела перед глазами картинки из детства, когда дядя Коля был ее поверенным в играх, когда давал ей украдкой конфеты за обедом. Тогда она воображала его своим другом, но это было не так. Дядя Коля и Зинин отец виделись только за бутылкой. Они не были друзьями. И братьями нормальными тоже не были. На трезвую голову могли поругаться даже из-за «неправильного» цвета футболки одного из них (дядя Коля как-то пришел в розовой футболке, из-за чего братья подрались).

Баба Аня помыла и одела дядю Колю. От него всегда пахло чем-то гнилым. Даже сейчас пахнет, несмотря на то что он только что был вымыт хозяйственным мылом и надушен «Тройным». Но все-таки это уже другой запах. Сладковатый, смрадный и пустой.

Почему-то баба Аня не стала зажигать свет. Три свечки горели на подоконнике, столе и в руках старушки соседки.

— Где Миша, баба Аня?

— Я его к себе забрала на денек. Не знаю, что будет с парнишкой.

— Завтра я приду, заберу его. Пусть у нас поживет.

— Ладно, Зиночка, ладно. Забирай. Старая я. А он вон какой разбойник, секунды на месте не сидит, всё бегаёт, пешком не ходит. Семь лет мальчишке, отец помер, а ему хоть бы хны. Круглый сирота, и сверху и снизу. Что с ним будет теперь?

— А что с ним будет? Он мой брат двоюродный. Мы его семья как-никак.

Зинка сглотнула слюну. Не семья она Мишке. Не будет у Мишки семьи. Потому что и у Зинки не было семьи больше.

Баба Аня ходила по комнате, разговаривая сама с собой, потом вышла во двор. Зина осталась одна с дядей Колей. Она накрыла лицо покойника букетом цветов. Ей казалось, что крестный вот-вот откроет глаза.

В печке трещали дрова. Кошка угрюмо смотрела на Зину из другой комнаты. Девочка позвала ее, но та чихнула и убежала в темноту, куда-то под комод в дальнем углу. Вдруг в комнату молча вошел Пётр. Грязными сапогами по чистому полу прошел прямо к телу. Он пьян. Пожал руку труппу дяди Коли.

— Коля! Брат...

Пётр упал на пол и начал реветь, как ребенок в магазине, когда мать не купила ему новую игрушку.

— Папа! Папа! Вставай, папа! — шептала Зина.

Баба Аня заковыляла к нему с быстротой медведицы, в руках у нее был железный таз. Она вылила на Петра холодную воду.

— Убирайся сейчас же! Не позорься и не пугай детей. Здесь человек умер! Брат твой умер, а ты устраиваешь тут представление! Как не стыдно, паразит!

— Баба Аня, я же... Ты знаешь, что я не виноват... А он? Ну зачем он умер... Зачем люди умирают, когда они так нужны друг другу? Зачем человек умирает, если знает, что у него есть брат, которому некуда пойти, кроме него!

— Еще разговаривает! Язык-то у тебя подвешен, это всем известно! Даже когда бухой! А все равно убирайся отсюда, пьянь! Не позорь дочь! — взревела баба Аня. Кто бы знал, что она так может.

Пришли два патлатых и рукастых сына бабы Ани. Мужики подхватили Петра под локти и выбросили во двор. Зина бежала за ними.

— Оставьте его, сволочи!

— Уводи его отсюда, пока не наподдали! — буркнул один из бугаев.

Пётр плакал.

— Папа, папа, хватит! — отчаянно процедила Зина.

Начали выходить поглазеть соседи.

— Эта бабка Анька всё из его дома вынесла, даже молоко из холодильника! — причитал Пётр. — Даже булавку с подоконника забрала! Они его ненавидели и презирали всю жизнь, Зинка! А меня, его брата, даже к нему не допускают в последний путь проводить! — Он сглотнул слюну и поглядел белыми глазами на дом, осмотрел его как в первый раз и выкрикнул: — Это она убила! Баба Аня убила братку!

— Папа, он умер от разрыва сердца.

— Почему тогда не пускают к нему? Боятся! Боятся, твари! Почему выгоняют, а?

— Папа, тебя никто не выгоняет. Но ты пришел и начал кричать, так нельзя. Папа, давай завтра придем. Люди смотрят.

Зина потихоньку поднимала отца с земли, как огромную переросшую морковь вытягивают из почвы, медленно и не с первого раза.

— Че смотришь, дядя Егор? Выйди помоги! Нет? Ну и иди к черту, — осмелела Зина, почувствовав ответственность за отца.

Сосед дядя Егор тут же спрятался за ограду.

Люди смотрели на отца и дочь Елуниных. Повылазили, как черные блестящие жуки из своих нор, и наблюдали за тем, как тоненькая Зина взвалила на плечи отца и несла по улице. Ноги Петра безвольно тащились по земле, он тщетно пытался ими перебирать. Когда они прошли овраг, Пётр уже перестал плакать и кричать. Он смотрел на небо.

Стало светать. До дома Елуниных оставалось немного.

— Я же тебя как учу, Зинка... Чтобы ты к каждой отрицательной ситуации относилась с юмором! — отец еле ворочал языком. Зина улыбнулась.

Тася открыла им калитку.

— Надо было там его оставить на дороге. Пусть бы сдох.

— Мама, хватит!

Отец упал со спины Зины на землю и захохотал, как бесноватый, с ненавистью смотря на жену. Зина села с ним рядом и смеялась, оскалив зубы в сторону матери.

Тася дернулась и ушла в дом.

— Завтра у тебя день рождения, Зинка! Да? Да! Завтра! Папка тебе такой подарок приготовил!

— Не надо мне подарков, бать.

— Ладно, у меня нет подарка, — признался отец, — но я куплю. Ты же мое единственное дитя. Дитя моего племени. Моего. Не матери. Моего! И дяди Коли покойничка. Вся в него. И в меня. Такая же сильная, бойкая! — он улыбался и лениво разевал рот, путая и теряя в нем буквы.

— Папа, оставь меня у себя. Не оставляй мамкиному брату. Не люблю я его и жену его, стерву профессоршу.

— Это ты ее не любишь, потому что сама профессорша. Сидишь всё стишки строчишь по ночам. А откуда знаешь, что мать к любовнику уходит?

— Она мне сказала, — соврала девочка.

— Болотное существо твоя мать! Больше никто!

— Можно я дома останусь, пап?

— Дочь. Ты же знаешь, какой я человек! Я ведь по пьяни и зашибить тебя могу, не дай бог. У меня же это... неконтролируемая агрессия. У меня оружия куча! Сама знаешь. Я тебе честно говорю. Едь ты к дядьке. Может, человек из тебя получится. Не как твой папка. Я бы тебя оставил дома, но и сам я черт-те что из себя представляю, да и мать не оставит. Она сама знаешь какая. На всех за свою жизнь обижена. Сама виновата. Всегда так, Зинка. За свои поступки нужно отвечать, даже если ты раскаялся и признал их совершенными. Нужно ответить. Даже если уже всё, всё, вроде прощен. Все равно расплата будет. Но слушай меня... Слушай. Я честно тебе скажу. Ты не нужна матери. Она и рожать тебя не хотела. И растила тебя кое-как. Ты, как водичка, все время сквозь пальцы ускользала. Сама по себе выросла. И вон какая стала! Стихи пишешь, по хозяйству соображаешь. Никогда бы не подумал, что у меня ребенок будет... Сильвия Плат! Не читал. Но знаю, что есть такая! Всегда ты была моим детенышем диким, Зинка! Да... А мать забудь. Она злое сердце.

Зина привстала, обняла отца. Она не знала, правильно ли делает, обнимая его. Но в ту минуту ей казалось, что да. Девочка вскочила на ноги и убежала в дом.

Зина толкнула дверь и вошла на кухню. Мать наливала себе что-то прозрачное в стакан, явно не воду. Зина смахнула со стола стакан. И уставилась на мать, тяжело дыша.

— Ты че? Совсем, что ли? А ну пошла отсюда! — пробубнила мать.

Тася толкнула Зину. Девочка отлетела к стене. Она уставилась на мать. Открывала и закрывала рот. Хотели вылезти оттуда слова, но их было так много, и Зина боялась их произнести, потому что они были честные. И тогда Зина закричала Тасе в лицо, потому что так нестрашно, почти нестрашно. Она закричала самый древний и самый первый звук, букву, которую знали люди и пралюди:

— А!

Тася отвесила ей хорошую пощечину.

— Мама!

Зина упала на колени и обхватила мать за ноги.

— Мама, не отдавай меня никому! Возьми меня с собой. Не отдавай. Возьми. Или отцу оставь. Я сдохну там! Я всех ненавижу, мама! У коровы кровь в молоке, отец ее убьет! Кто о Зорьке позаботится? Кто об отце позаботится? Кто о тебе позаботится, мама?

Она редела, как детеныш нерпы, лежа на глыбе равнодушного ледяного снега.

— Зина, Зиночка, всё, хватит! Хватит, дитя! — пьяная мать улыбалась и водила ладонью по голове дочери.

— Мама, пожалуйста! Мне некого больше любить!

— А мне есть...

Зина подняла глаза и увидела лицо матери, которая, кажется, собрала весь остаток трезвости, чтобы это сказать.

— А мне есть, Зина! Ты не нужна мне. Ты славная девочка и сильная и будешь жить у дяди с тетей. И все у тебя будет нормально. Хоть раз меня услышь... Не будь эгоисткой, как отец твой. Ты маме всю жизнь испортила. Так. Дай. Ты. Маме. Пожить. Спокойно. Зинааа! — она начала трясти голову дочери из стороны в сторону и бить по ней, вдалбливая каждое слово.

Зина лежала на полу. А Тася, успокоившись, безучастно налила в стакан самогона, выпила и ушла перебирать очередную коробку с барахлом.

Дождливое белое утро наступило. Елунины завтракали на кухне. Отец ел кашу и периодически засыпал за столом. Мать сидела, уставившись в тарелку, в которую упала и барахталась зеленая трупная муха. Зина смотрела в окно на проплывающие мимо их крыши тучи, на коршунов, пролетающих над садом.

После вялого поздравления с днем рождения Зина спросила:

— Мы на похороны пойдем?

— Конечно, пойдем. А ты не пойдешь, — прогудел отец.

— А че это я не пойду? Он мой дядя.

— Слушай отца. Не надо тебе ходить, — резко сказала Тася.

— Но...

— Будешь дома сидеть с Мишкой, я сказала! Баба Аня его сейчас приведет. Поняла? Не на что там глазеть детям. Посидишь с братом двоюродным. Вы вчера уже там с отцом выступили. В глаза людям совестно смотреть. Хуже, впрочем, и не стало. И так уже...

— Поняла.

Зина вышла из-за стола. Она прошла через огород, перелезла через трухлявый поломанный забор. Девочка босыми ногами встала на землю огромного желтого поля сурепки. Подул быстрый и теплый ветер с востока. Разворошил рыжие волосы Зины. Она стояла и смотрела на лес, который темнел узкой полосой впереди, на лепестки этих желтых, совершенно обычных цветов.

«Я не ребенок! — думалось ей. — Я такая взрослая, что взрослее всех взрослых. Я сумею позаботиться об отце и о себе тоже. Я очень взрослая. И буду дальше взрослеть с каждым днем. Хотя знаю, это того не стоит».

Зина насобирала букет сурепки и вернулась в пустой дом. На столе записка, что мелкого Мишку приведут позже, после поминок. Или к вечеру.

Мать и отец вернулись после обеда с пустыми головами и наполненными на поминках желудками. Они торжественно прошествовали, запинаясь о воздух, в комнату к Зине и пафосно распахнули дверь.

— С днем рождения, дочь! — промурлыкал отец.

— С днем рождения, Зина, — сухо сказала мать, затем, словно опомнившись, подошла и поцеловала ее в лоб.

— Спасибо, — буркнула Зина.

— Пойдем, пойдем быстрее на кухню. Сюрприз! — отец был в возбужденном состоянии.

Они вошли, на столе стояли две бутылки самогона, торт из местного магазина с мастичными лебедями и сборник стихотворений Евтушенко.

— Я сама купила, — гордо проговорила мать.

— Спасибо, мама!

— Не за что! Для тебя всё что хочешь сегодня.

Они сели за стол.

Мать порезала торт и разложила по тарелкам. Налила себе и отцу по стакану. Зине налила яблочный компот. Зина задула свечи. Ничего не загадала.

— Мам?

— А?

— Ты сказала, всё, что я хочу, сделаешь сегодня?

— Меру только знай.

— Я хочу остаться с папой.

Тася глубоко вздохнула.

— Девочка, твой папа алкоголик и психопат, я же хочу, чтоб ты дожила хотя бы до четырнадцати лет и получила паспорт, хорошо? Отец не знает, как растить детей. Он ничего не знает, кроме того, как открывать бутылку пива зубами.

Пётр сидел красный и насупленный, как бык.

— Тогда можно я поеду с тобой! — в отчаянии закричала Зина.

— Андрей хочет своих детей. Тебе будет лучше с дядей. С Мишей вместе поедете послезавтра к нему. Хватит об этом. Последний раз повторяю. Мне и отцу уже надоело это слушать.

— Хорошо. Я поняла, — она произнесла это и на несколько секунд задумалась. — У меня есть кое-какой подарок для тебя, мама.

Зина вышла из комнаты. Через несколько минут она вернулась с покрашенными губами и в праздничном платье. Она слащаво улыбалась родителям во все зубы. В руках у нее был желтый листок бумаги. Зина сияла, как стеклышко на свету. Девочка залезла на шатающуюся табуретку и, широко открывая рот, начала громко декламировать:

— Я могу спрыгнуть с крыши,
С моста могу я упасть,
Чтобы быть только тише,
Чтобы маме моей не мешать.
Не злись на меня, моя мама,
Не держи обиду скупую зря,
Не дойдёт с того света моя телеграмма,
Будешь радоваться втихаря.
Можешь убить меня ночью,
Можешь убить меня днём!
И тогда ты останешься с мужиком своим только вдвоём!
Прости меня, мама, глупую,
За всё ты меня прости,
Не злись на меня больше,
И не грусти!
Ты только записку мою последнюю,
Пожалуйста, эту прочти!

— Мама, спасибо, что родила! Спасибо, что выбрасываешь меня, как котенка, на улицу!

Пётр захолопал.

Зина закончила стихотворение, поклонилась, слезла с табуретки. Развернулась и собиралась было уж выйти из комнаты, как вдруг Тася схватила девочку за подол платья, повалила на пол и начала бить по лицу.

— Ты, маленькая дрянь! Я ради тебя жизни себя лишила! А ты!

Отец сидел за столом молча, сжимал в руке бокал. Его лицо выражало спокойствие. Такое спокойствие бывает только перед «бурей». Он тихо встал из-за стола, прошел мимо дочери и жены и вышел во двор. Секунд тридцать спустя он вошел с ружьем, нацеленным на дерущихся.

— Встали обе! — заорал он.

Тася и не взглянула на Петра. Он выстрелил в потолок. Со стены рухнул шкафчик с посудой. Зина отползла от матери к печке и съежилась, испуганно вытаращившись на Петра.

— Ты такие слова матери почему говоришь? — обратился он к Зине. — У тебя тоже нет сердца. Совсем как у нее. Я думал, мы

посидим нормально, как нормальные! Как семья! Но нет! У нас у всех нет сердца! — Пётр заплакал.

— Папа, — пропищала Зина.

— Замолчи! Я любил тебя! А ты так поступаешь с нами! — кричал Пётр во всё горло.

Тася подползла к ногам Петра.

— Петенька, опусти! Опусти ружье. Это же Зинка. Ты что, Петенька! Ну всё, всё. Успокойся. Не бери грех на душу. Петя, послушай меня! Петя! Не искушай судьбу, зачем ты судьбу-то дразнишь. Опусти ружье. Опусти.

Она осторожно встала с колен и поцеловала мужа в щеку.

— Ну всё, Петя, всё, опусти, ружье...

Пётр начал было опускать дуло, но вдруг что-то дикое и древнее, чужое промелькнуло в его глазах, и он выстрелил. Пуля отрикошетила. Кукушка из часов повалилась на пол. Ее механическое сердце больше не билось. Зина сидела у печки. Просто сидела на полу. Глаза ее закрылись.

Тася бросилась к дочери, которая была без чувств.

— Ты убил, скотина! Убил дочь! — она плакала.

Зина открыла глаза. И улыбнулась.

— Можно я дома останусь? — проговорила она тихо.

— Ты! Ты! Я ненавижу тебя! — кричала Тася. — У тебя сердца нет, прав отец!

Зина поднялась и села на диван.

В сенях раздался шорох. Вошел темноволосый мальчик в зеленом свитере. В руках у него был водяной пистолет. Он, не разувшись, прошел в зал и сел на желтый, застеленный клеенкой диван рядом с Зиной.

— Здравствуй, Мишенька! Кушать хочешь? — проговорила Тася, повысив тембр голоса и тут же отскочив от дочери.

— Нет, не хочу, на поминках у бати поел, — буркнул мальчик.

Встал. Поднял с пола подстреленную металлическую кукушку и начал ей играть.

— Там вас баба Аня зовет. Какие-то проблемы с документами.

— Дядю Петю? Так он выпил, куда он пойдет, — быстро проговорила Тася.

— Говорит, что срочно.

— Ну хорошо... Петя! Петенька! Пойдем до бабы Ани пойдём, а, Петь?

Пётр все еще сидел на кухне, держа в руках ружье. Он вдруг вспомнил, как пятилетняя Зина каждое утро собирала по пять ягод малины и три из них отдавала ему, а две Тасе. Еще он вспомнил, как она смеялась каждый раз, когда кто-то говорил: «Господи помилуй».

— Если ничего не сделал, то и не надо у Бога прощения просить! — говорила маленькая Зина. Может, и права была.

Пётр и Тася быстро привели себя в порядок и пошли к калитке. Зина все это время сидела неподвижно на диване и смотрела на свои руки. Они были желтые от цветочной пыльцы.

Вдруг она соскочила с места и выбежала во двор вслед за родителями. Миша, не понимающий, что здесь произошло, почему на кухне полная разруха, упал шкаф, часы, табуретки на полу, ружье валяется возле стола, прыгнул на окно и начал наблюдать за двоюродной сестрой.

Зина залезла на забор.

— Мама! Папа!

— Иди в дом, Зинка! — гаркнула Тася. — Мы придем скоро, следи за Мишкой!

— Я жду вас, ладно? Мне вас ждать?! — кричала девочка.

Тася промолчала. Пётр до сих пор был не в себе, бледный, не шел по земле, а просто летел, как приведение.

— Мам! Мама! Мама!

Они шли и шли, их спины скрылись на перекрестке.

Зинка вернулась в дом. Мишка лежал на диване, задрал ноги.

— Что у вас тут было?

— Война, Мишка.

— Понял. Я теперь с вами буду жить?

— Не знаю уже. Мы же уезжаем. Возьмем тебя с собой или нет, еще не решили...

— Куда это вы поедете? — забурчал Мишка.

— В одну страну. Она где-то на востоке. Не знаю, как называется. Но там каждый день — это день рождения. Или Новый год, но никто не пьет. А все только читают стихи друг другу

и поют. Там много желтых цветов, точнее, там только такие цветы растут. Вот туда-то мы и поедем скоро.

— И дядя Петя поедет? Как же он хату оставит? Корову?

— С собой возьмем. И дом и корову. Там все вместе должны быть. Потому что должны... любить друг друга... Ну не любить. А как тебе сказать... Жалеть друг друга.

— Тогда и мне можно с вами. Меня можно пожалеть. Я сирота со всех сторон.

— Да, Мишка. Думаю, можно.

— Ну всё. Значит, еду. Давай поиграем, что ли, Зинка.

— Во что?

— Ну у вас же тут война была. Давай в войну. Я и пистолет взял.

— Только давай на улице. А то и так дома бардак.

Пётр и Тася шли обратно к своему дому. Тася то и дело спотыкалась об острые камни, торчащие на сельской дороге. Пётр был молчалив и трезв, хотя руки еще тряслись и не слушались.

Вдруг Тася остановилась и начала плакать.

— Ты чего, Таська?

— Дура я дура! Господи, прости меня! Господи, почему я жива еще, если допускаю такое!

Она остановилась возле чужого забора, закрыла лицо руками, села боком на корточки, отвернулась от мужа и зарыдала.

— Ты чего это, Таська? Ты ж уже полгода хочешь уехать. А от меня вообще всю жизнь хочешь уехать, с тех пор, как забеременела.

— С чего, с чего! Мишка вон сирота, уезжает. Ему деваться некуда. А Зинка? Родители живы! А бросаем ее... Я ее загублю своим характером. А тебе оставлю, так ты ее загубишь. Ты чуть не застрелил ее сегодня. Почти убил. Побойся бога! Нельзя так шутить и с судьбой баловаться! Бог дал, бог взял!

— Так оставайся, Тася, — он подошел к жене и неловко опустил тяжелую руку ей на плечи. — Оставайся. Ты уйдешь, так последнюю душу у меня заберешь с собой.

— Прости меня, Петька.

— Оставайся, Тасенька.

— Не могу. Не могу тебя больше выносить, Петька. Не могу больше здесь. Матерью ей быть после этого тоже не могу.

— Ладно. Я понял.

Тася повернулась к мужу. Ее мокрое лицо блестело от закатных лучей солнца.

— Пусть Зина у тебя останется. Черт с тобой. Может, пить меньше станешь, если ребенок будет только на тебя рассчитывать. А я... Я, может, и вернусь. Понимаешь, я... Черт... Я хочу пожить по-другому. Хотя бы временно пожить. Немного пожить. Ладно?

— Ладно, — Пётр вытер нос рукавом.

— Пойдем Зине скажем.

Пётр молча посмотрел в глаза Тасе.

— Ладно. Ладно...

Он сорвал с куста лист и тихо начал рвать его пальцами, ставшими вдруг совершенно послушными.

Зина стояла на желтом цветочном поле. Солнце приблизилось к горизонту, вот-вот по нему покатится, как бильярдный шарик по столу, и упадет в ночь. Мишка отдал Зине свой водяной пистолет, а сам побежал зачем-то в дом. Миша сказал ей, что она будет играть за «врага», а Мишка за «русского». Зина посчитала выбор этой роли естественным, потому что, кажется, для всех в этом доме она была врагом.

Мишка вышел из дома. В руках у него было что-то длинное, какая-то палка. Зина легла на землю. Она слышала, как Мишка приближался и пел песню Кати Лель. Ветер то стихал, то снова...

— Зинка, руки вверх, — крикнул Мишка.

Зина вскочила с земли, как игрушка на пружине из коробочки. Такие продавались в цирке. Зинка подняла костлявые пальцы к небу. Локти были все в желтой пыльце. Девочка засмеялась. Мишка такой смешной с этим...

— Огонь!

Через мгновение Зинка лежала на земле вся в крови. Она уже не слышала, как перепуганный Мишка бежит к ней, бросив ружье Петра на землю.

Розовые облачка проплывали по едва-едва голубому небу, уже

переходящему в оранжевый закат. Из раны в горле у Зины текла кровь, такая же красная, как у коровы Зорьки из вымени. Но ее было больше.

Мишка убежал. Кажется, Зина слышала, как он кричит: «Я только играл, я не хотел!» А может, ей показалось.

Сильно пахло сурепкой и почему-то домом, Зинкиной комнатой, конфетами дяди Коли, сеном, котенком.

— Запачкала платье, — подумала Зина.

Ее глаза помутнели и, впитав напоследок голубизну закатного неба, закрылись.